РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ ФЕНОМЕНА СОБСТВЕННОСТИ И СВЯЗАННЫХ С НИМ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

© 2014 г. Михаил Васильевич Бородач¹

Краткая аннотация: в работе изложены результаты критического осмысления автором традиционной для отечественной юриспруденции методологии исследования феномена собственности и связанных с ним правовых явлений; на основе аксиологического подхода к восприятию и оценке закономерностей правового регулирования подтвержден вывод об объективном несовпадении общефилософского представления о собственности и юридического понятия собственности как субъективного права; в качестве методологического основания исследования права собственности предложено использовать в современной юридической науке категорию признаваемого обществом (правового) интереса, агрегирующего в концентрированном виде ту часть персональной свободы личности, которая соответствует принятым в обществе нравственным основаниям права применительно к определенной группе общественных отношений и институтов.

Annotation: the research contains the results of author's critical reflection of the orthodox approaches, which are in use in the Russian jurisprudence to verify the property phenomenon. Author uses axiological methodology to confirm the thesis that the property conceptions, which are commonly used in philosophy, sociology and other liberal arts, are objectively inappropriate for the purposes of jurisprudence and legal analysis. Author suggests to apply in the modern legal researches of the property rights the entity of the socially accepted (legal) interest, concentrating that part of personal liberties and intentions, which fits to the socially accepted moral basics of law in consideration of the specified groups of social relations.

Ключевые слова: собственность, право собственности, нравственные основания права, общество, свобода личности, правовые интересы.

Key words: property, property rights, moral basics of law, society, personal liberty, socially accepted (legal) interests.

В настоящее время в отечественной науке наиболее исследованное проблематики собственности традиционно принято начинать с упоминания существующих теоретических взглядов на данный социальный феномен, раскрытия его природы и сущности, отражения выполняемых им в обществе функций; нередко в обоснование своих суждений исследователи приводят исторические факты, демонстрирующие генезис и основные этапы развития института собственности в системе социальных связей и отношений. При этом авторами в качестве отправного обычно принимается сложившееся в экономической теории понятие собственности, преломляемое затем сквозь призму задач отраслевых гуманитарных наук в зависимости от того, в какой области проводится конкретное исследование, какова его методология и цель.

Излишним в данном случае являлось бы обоснование того факта, что собственность как

социальный феномен по своей глубине и сложности относится к числу “вечных” вопросов общественного устройства. Указанным обстоятельством объясняется наличие в настоящий момент почти бескрайнего многообразия научных работ, посвященных оценке и анализу данного явления: перечислить все из них или по меньшей мере наиболее значимые (так же, как и их авторов) попросту невозможно.

Исходным пунктом в современных юридических исследованиях собственности и связываемого с ней права собственности типично является анализ собственности как экономической категории, отталкиваясь от результатов которого исследователи затем разрабатывают обоснование связи данного социального явления с соответствующими ему правовыми конструкциями. При этом господствующей концепцией в понимании экономической сущности собственности в отечественной науке продолжает оставаться диалектико-материалистическая теория К. Маркса, которая вопреки придававшемуся ей в советский период идеологическому значению оказалась вполне применимой и в условиях капиталистического

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: supanova@yandex.ru).

способа хозяйствования (в той ее части, которая не относится к обоснованию классовой борьбы и необходимости уничтожения капитализма и частной собственности революционным путем). В частности, в работах К. Маркса собственность предстает как *вся* совокупность производственных отношений², в рамках которых происходит присвоение, а затем распределение, обмен и потребление материальных благ. На основе данного тезиса многими представителями советской политэкономии, а вслед за ними и в юриспруденции делался вывод о том, что собственность как экономическая категория представляет собой ту часть производственных отношений, в которых складывается и реализуется система присвоения материальных благ, их последующего распределения, потребления и обмена; при этом присвоение должно рассматриваться в качестве ядра этих отношений, как первичная и единственная предпосылка возникновения собственности на средства и результаты производства.

Наряду с данным представлением о собственности в истории научной мысли высказывались и иные концепции. Так, Л.Н. Захарова отмечает, что “в истории очень широко распространен взгляд на собственность как гражданское право, являющееся результатом завладения, завоевания, договора..., собственность рассматривается как результат договора, на основе захвата, завоевания, насилия или добровольных действий. Результаты этих действий освящаются законом, и собственность существует как право”³. В ряде случаев использование данного подхода приводит исследователей к комплексному рассмотрению собственности в качестве сложной экономико-правовой категории⁴.

Ученые, поддерживающие определенный из перечисленных подходов приводят различные аргументы, подкрепляющие их видение собственности и опровергающие взгляды оппонентов: научная полемика по поводу содержания категории собственности с давних пор и по настоящее время носит непрекращающийся характер. Единодушия в научном понимании собственности не существует и, по всей видимости, оно не может быть достигнуто по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, объективная сложность категории собственности, ее многомерный

характер затрудняют выработку какого-либо универсального научного подхода к оценке данного социального феномена; тем более что в рамках отраслевых общественных наук собственность и конкретные ее проявления могут рассматриваться под специфическим углом зрения, исследоваться с позиций анализа ее отдельных граней и признаков. Во-вторых, поскольку социальное происхождение собственности никем в науке не оспаривается, следует иметь в виду постоянное развитие самого общества как среды, в которой собственность существует и, в свою очередь, развиваясь, видоизменяется; к тому же постоянное усложнение практики складывающихся в социуме отношений означает и перманентную динамику собственности как явления общественной жизни⁵.

В целом анализ имеющихся в настоящее время научных концепций собственности, сформулированных в разные периоды развития современной человеческой цивилизации, позволяет утверждать, что в своих взглядах на феномен собственности отчасти правы и ученые, рассматривающие собственность как исключительно экономическую категорию, и исследователи, понимающие ее как некое (естественное) право индивидов, и те, кто, осуществляя синтез первых двух подходов, предпринимает попытку исследования собственности в качестве комплексного экономико-правового социального института.

Вместе с тем, размышляя о методологии исследования в современной юридической науке феномена собственности и связанных с ним правовых явлений, очевидным становится то обстоятельство, что в рамках анализа сугубо *юридической* проблематики едва ли вообще уместно пытаться дать оценку обоснованности тех или иных суждений о сущности собственности, равно как и предлагать какую-либо “прорывную по своей новизне” концептуальную основу понимания данного феномена. Разработка обозначенной научной проблемы на основе анализа даже сравнительно небольшой части из существующих по этой теме работ не привела бы к достижению целей, свойственных исследованиям юридического характера, а главное – неизбежно вывело бы его предмет за рамки юридической науки, что является методологически неприемлемым.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 318.

³ Захарова Л.Н. Собственность и личность. Челябинск, 1991. С. 5, 6.

⁴ См., например: Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Теория права собственности (Историко-аналитический очерк). Элиста, 2009. С. 816.

⁵ Подробнее см., например, о развитии современных форм перехода права собственности из архаических ритуалов и судебных процессов в Древнем Риме: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. Учеб.-практ. пос. М., 2002. С. 205–210; Дождев Д. Основание защиты владения в римском праве. М., 1996. С. 105–116.

Безусловно, невозможно и нет никакой надобности отрицать связь собственности как социально-экономического явления с правом, что вполне объяснимо: на современном этапе в любом государственно организованном обществе подобный ключевой, конституирующий институт общественной жизни обязательно приобретает и своё правовое отражение. Однако если принять за основу господствующий в современной науке взгляд на собственность прежде всего как на экономическое явление, то при попытке обоснования связи права и собственности, генезис которой в человеческой истории к тому же предшествовал появлению государства, права и других, выражаясь марксовой терминологией, надстроечных явлений, любой исследователь-юрист неизбежно придет к выводу о том, что принятая в экономической науке необычайно широкая трактовка собственности, позволяющая относить к ней, по сути, любые складывающиеся в обществе производственные отношения, которые служат предпосылкой последующего присвоения благ, является с позиций юридической науки *технически неприемлемой*, так как ее безоговорочное принятие для целей исследования правовой проблематики неизбежно приведет к устранению устоявшейся систематики права (в частности, к стиранию в нормах писаного права объективно существующей дихотомии гражданских прав) и, как следствие, к сложностям юридической квалификации, терминологической путанице в нормативных актах и в целом – к резкому снижению эффективности правового регулирования.

Использование для целей юридических исследований учений о собственности, в которых она понимается как право или как комплексная социально-экономическая категория, представляется еще менее уместным, поскольку в указанных концепциях связь экономических и правовых элементов в трактовке собственности предстает в весьма витиеватой, а порой даже причудливой, форме, в связи с чем сами указанные концепции выглядят недостаточно выверенными, подтвержденными практикой и устоявшимися в науке.

В связи с изложенным думается, что для исследования юридической проблематики совершенно приемлемым будет являться *техническое (для исследовательских целей) использование* в качестве отправной теоретической посылки таких взглядов на собственность в целом и на право собственности, которые выступают традиционными именно для самой правовой науки, уходят своими истоками в эпоху классической римской

юриспруденции, апробированы в практике правового регулирования.

Так, с позиций юридической науки на самом деле едва ли можно было бы согласиться с мнением некоторых ученых-экономистов, выделяющих в структуре собственности некие “субъектно-объектные” отношения, т.е. отношения между субъектом и объектом собственности⁶. Юридическая наука основывается на признании в качестве аксиомы утверждения о том, что право может регулировать лишь отношения между людьми, общественные отношения. По этой причине в юриспруденции устойчивым является взгляд на собственность прежде всего как на отношение между людьми⁷.

Однако и в границах только юридической науки подходы к определению собственности в большей или меньшей степени разнятся. Некоторые авторы намеренно отказываются от попыток дать какое-либо универсальное определение собственности. Например, К.И. Скловский, отмечая наиболее абсолютный характер права собственности, указывает, что “если ограничение достигается определениями, то наиболее неограниченное право наименее определено... То, что самое сильное право имеет самые малые определения, не должно, следовательно, нас пугать. Напротив, когда собственность определяют чересчур многословно, то это скорее всего означает попытки ее ограничения”⁸. Правда, несмотря на указанную замечку об общей нецелесообразности дефиниций собственности, К.И. Скловский всё же не смог в своем исследовании полностью обойтись без определения собственности, которое предстает у него “как отношение к вещи как к своей”⁹, хотя он и объясняет свою позицию целью дать возможность читателю сформировать собственные представления о понятии собственности или даже сформулировать какую-либо свою дефиницию¹⁰. Впрочем, из приведенного выше определения, которое и сам автор признает лапидарным, следует, в частности, что собственность есть отношение субъектно-объектного формата, а потому оно, хотя и содержит центральный признак собственности, видится весьма усеченным,

⁶ См., например: Управление государственной собственностью. Учеб. / Под ред. В.И. Кошкина. М., 2002. С. 26.

⁷ См., например: Гражданское право. Учеб. Ч. I / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. С. 336; *Суханов Е.А.* Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 7.

⁸ *Скловский К.И.* Указ. соч. С. 150.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Там же.

а значит, не вполне пригодным для уяснения сути собственности¹¹.

Во многом схожий с приведенным выше подход предлагается В.П. Камышанским. В целом он разделяет мнение о том, что собственность есть отношение между субъектами по поводу вещей. Однако отмечает, что собственность – “это не столько отношение между людьми по поводу имущества. Эти отношения в значительной мере регулируются нормами обязательственного права. Собственность – это в большей мере отношение человека к вещи как к своей собственной”¹². Тем самым автор, давая правовую характеристику собственности, также переносит акцент на ее субъектно-объектную составляющую.

Следует заметить, что различия в научных представлениях о собственности (как в рамках какой-либо одной отраслевой науки, так и в разных областях научного знания) в немалой степени обусловлены спецификой тех задач, которые стоят перед различными науками и даже их отдельными отраслями. Действительно, в некоторых случаях выделение каких-либо специфических признаков собственности помогает более эффективно решать определенные отраслевые научные проблемы. Вместе с тем данное обстоятельство само по себе не является достаточным основанием к тому, чтобы отказаться от необходимости принять в качестве базовой посылки какое-либо универсальное представление о собственности, применимое в качестве универсального во всех отраслях науки – экономической, правовой, управленческой и др. Именно поэтому можно сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев для научных целей *применим подход к определению собственности лишь в общих чертах – как отношения между людьми по поводу присвоения материальных благ, в которых одна сторона (собственник) относится к вещи как к своей, а другая сторона (несобственники) признают данное положение собственника, в том числе*

посредством отношения к этой же вещи как к им не принадлежащей (т.е. как к чужой)¹³.

Данный подход, как упоминалось выше, является господствующим во взглядах представителей классического направления в современной отечественной экономической теории и был выработан еще в советский период развития политэкономии. Оттуда он был заимствован специалистами и исследователями различных областей научного знания, прежде всего учеными-юристами. Так, Ю.К. Толстой отмечает, что “собственность можно определить как отношение индивида или коллектива к принадлежащей ему вещи как к своей”¹⁴. Далее ученый указывает, что так или иначе собственность как социальный феномен основана на том, что кто-то воспринимает средства и результаты производства как свои, а кто-то – как чужие. Без различения “моего” и “твоего” собственность не могла бы существовать¹⁵.

Однако попытка в дальнейшем увязать подобное представление о собственности с понятием, парным для данной категории, – понятием права собственности (особенно, когда такая попытка отталкивается от анализа наличного нормативного материала, закрепляющего содержание субъективного права собственности, порядок его приобретения, осуществления и прекращения) – неизбежно приводит исследователя-юриста к дилемме: любая философская (и даже экономическая либо социологическая) концепция собственности оказывается неминуемо шире сложившихся в юриспруденции представлений о праве, которое этой собственности терминологически соответствует. Ситуация осложняется также и тем, что само понятие “право собственности” в юридической науке может употребляться в субъективном и объективном смыслах.

Не следует отрицать того факта, что широкое видение собственности, имеющее непреходящее философское значение для всей системы человеческого знания, включает в себе неисчерпаемый научный потенциал, реализуемый в том числе и в конкретных юридических исследованиях права собственности, выступающего парной категорией по отношению к понятию самой собственности. Между тем традиционализм юридических представлений о праве собственности, основанный на интуитивных, порой даже архаичных

¹¹ В частности, Гегель утверждал, что “договор предполагает, что вступающие в него признают друг друга лицами и собственниками..., момент признания в нем уже содержится и предполагается” (Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 128, 129). Поддерживая позицию Гегеля, К.И. Скловский пишет, что акт «взаимного признания, как об этом говорил Гегель в “Философии права”, уже сам по себе есть собственность для обеих сторон, а значит, и для всего сообщества» (Скловский К.И. Указ. соч. С. 102).

¹² Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М., 2000. С. 19.

¹³ Без учета, конечно же, форм и правовых оснований, в соответствии с которыми после присвоения может осуществляться перемещение вещей от одних лиц к другим.

¹⁴ Гражданское право. Учеб. Ч. I / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С. 336.

¹⁵ См.: там же.

человеческих восприятиях этого права, неизбежно приводит к пониманию того, что определяющим для субъективного права собственности является вещественный (материальный) субстрат этого права, а точнее, интерес, который может быть удовлетворен через факт господства над предметом материального мира. В этой связи несовпадение, существующее между границами общефилософского понимания социального феномена собственности и пределами юридического понятия права собственности, обретает объективный характер; при этом философия собственности развивается, постоянно расширяя рамки представлений об охватываемых собственностью социальных моделях поведения и хозяйствования, тогда как упомянутый выше юридический традиционализм в понимании права собственности обеспечивает стабильность правовых установлений и понятий в рамках данного юридического института. Это, конечно же, не означает, что право “стоит” на месте и не в состоянии восполнить сообразно требованиям времени вакуум в правовом нормировании зарождающихся, изменяющихся или усложняющихся правовых явлений и отношений; однако такое восполнение с учетом сложившейся системы права (в особенности вещно-обязательственного дуализма гражданского права) зачастую осуществляется путем развития имеющихся или появления новых правовых институтов, отличных от собственно института права собственности, тогда как в общефилософском смысле такие развивающиеся или появившиеся новые общественные отношения могут вновь и вновь дополнять имеющуюся научно-теоретическую картину собственности как многомерного социального феномена. Таким образом, соотношение категории собственности с парным для нее юридическим понятием права собственности напоминает, образно говоря, процесс перманентного расширения границ Вселенной после “большого взрыва”, в которой при этом строго заданное небесное тело постоянно сохраняет почти стабильное пространственное положение.

Стало быть, общетеоретическое, философское, широкое понимание собственности, имеющее неисчерпаемое научное и познавательное значение в контексте уяснения духа права собственности, его прямых и обратных, непосредственных и косвенных связей с другими правовыми институтами и отраслями, а главное – с общеправовыми идеями и принципами, должно составлять одну из основ философии права, но утрачивает это свое значение всякий раз, когда исследователь принимается за анализ отраслевых

юридических проблем, которые только и могут быть исследованы на основе собственных правил и категорий, выработанных в юриспруденции. Иными словами, в рамках конкретных правовых исследований, посвященных отраслевой юридической проблематике, развернутый анализ общефилософского понимания собственности (тем более с учетом почти бескрайнего многообразия сформулированных концепций и учений) способен увести пытливый ум так далеко в сторону от первоначальной идеи исследовательского поиска, что последующие попытки возвратиться в сугубо юридическое русло размышлений едва ли будут носить продуктивный характер: результатом такого развернутого анализа общефилософского понимания собственности неизбежно станет утрата исследователем идеи самоценности права как социального феномена, не менее значимого, чем сама собственность.

Конечно, на почве идеи самоценности права не следует отрицать связь экономики (базиса) с правом. Однако связь эта не может носить лишь однонаправленный характер: не только базис влияет на развитие надстроечных явлений, но и надстройка воздействует на экономику; право в государственно организованном обществе является инструментом проводимой государством политики, благодаря чему при помощи правовых средств государство направляет экономическое развитие общества по определенной траектории, ускоряя или замедляя его. Утверждение о первичности базиса имеет неоспоримое подтверждение лишь тогда, когда рассматривается зарождение государства и сопутствующих ему надстроечных явлений; если же говорить об этапе, когда государство уже сформировалось и существует, переходя вместе с обществом из одного качественного состояния в другое, то выполнение государством регулятивных функций посредством правового нормирования, в том числе и в экономической сфере, едва ли требует специальных научных доказательств. Соответственно, по всей видимости, обоснованный в трудах многих мыслителей экономический детерминизм надстроечных явлений, к числу которых относится и право, не может уже рассматриваться в качестве единственно верного метода в исследовании социальных феноменов, прежде всего права, как такового (и его отдельных институтов).

При этом следует отметить, что одним из первых тезисов о самоценности права, его внутреннего строения и понятийно-категориального аппарата как о приемлемом методологическом основании исследования в современной юриспруденции

феномена собственности и связанных с ним правовых явлений выдвинул К.И. Скловский. Он указывает, что «даже если “собственность в экономическом смысле” – как самое потаенное базисное отношение – и существует, то она никогда не является нам ни сама по себе, ни в юридическом обличье..., никому еще не удавалось указать на какой-либо экономический феномен или их комбинацию и опознать его как явление самой собственности»¹⁶. И заключает свою мысль следующим образом: «Эти сомнения в существовании “собственности в экономическом смысле”, конечно, никак не означают, что ставится под сомнение воздействие экономики на право. Напротив, ни одна серьезная юридическая проблема не может быть решена без учета и анализа нужд оборота – ближайшего к праву экономического явления. Можно, впрочем, заметить, что нередко влияние оборота воспринимается как искажение основ права и терпится в качестве “меньшего зла”. Такой подход, широко представленный и в отечественной цивилистике, выдает уверенность в самоценности права...»¹⁷.

Признав, соответственно, факт самоценности современного права и присущих ему собственных, внутренних (автономных) понятийно-категориальных устоев, в рамках отраслевых юридических исследований не имеет значимого научного смысла синтетическое обобщение всего многообразия общетеоретических представлений о собственности. Гораздо важнее в данном контексте уяснить, в чем, собственно, состоит фундаментальная предпосылка возникновения и существования права собственности как юридического явления, ближайшим образом соотношенного с самой собственностью. Без выявления такой предпосылки понимание сути права собственности (его социально-личностной миссии) является невозможным, поскольку без ее релевантного вербального отражения в соответствующих дефинициях даже само назначение собственности и соотношенного с ней права собственности приобретает весьма неясные очертания.

Предваряя исследовательский поиск в этой части, необходимо отметить, что анализ данной проблемы должен строиться на учете существующего в современной отечественной юриспруденции понимания права собственности в двояком ключе: в субъективном и объективном смыслах. Думается, что решение обозначенной выше проблемы должно быть связано прежде всего с выявлением фундаментальной предпосылки

возникновения и существования такого явления, как субъективное право собственности (а точнее, наличной его модели): ведь понимание права собственности в объективном смысле есть во многом производное именно от трактовки субъективного права собственности, а не от общефилософского понятия собственности как отношения.

В качестве еще одной причины, также осложняющей отыскание фундаментальной предпосылки возникновения в юриспруденции и дальнейшего укоренения в правосознании именно наличной модели субъективного права собственности, выступает существующая дифференциация и вещей, служащих объектами этого права, и различных категорий субъектов права в качестве собственников. Но если общая дифференциация вещей обусловлена их естественными свойствами и потому, как правило, носит объективный характер¹⁸, то выделение различных категорий собственников достигается исключительно через элементы их правосубъектности, установление либо устранение которых всегда осуществляется посредством нормативно-правовой регламентации, а потому не может быть в полной мере свободно от субъективных мотиваций законодателя и конъюнктурных, случайных (как антипод закономерных) условий и целей правового регулирования.

Отсюда со всей очевидностью возникает проблема типологии (а точнее, проблема форм) собственности и проводимой на основании этой типологии классификации субъективных *прав собственности*¹⁹, заключающаяся в поиске от-

¹⁸ Здесь имеется в виду дифференциация вещей по критериям и свойствам, от которых не зависят условия их допуска к обороту, ограничения в обороте или изъятия из него.

¹⁹ Выделение в приведенном тезисе курсивом слов “*прав собственности*” является не случайным, поскольку ранее при изложении вопроса здесь использовался термин “право собственности”, презюмирующий существование лишь единичной, цельной модели данного субъективного права, сохраняющей в реальных условиях оборота свои существенные черты (самотождественность) независимо от свойств субъектов этого права. Однако общеизвестным является тот факт, что в современном российском законодательстве продолжает сохраняться термин “форма собственности”, употребляемый при упоминании частной, государственной, муниципальной и иных форм, на основе чего, в свою очередь, выделяются право частной собственности, право государственной собственности, право муниципальной собственности, представляющие собой с юридической точки зрения, по существу, не что иное, как классификацию субъективных *прав собственности* в зависимости от видов субъектов этого права. Тем самым единичность, цельность, универсальность принятой в отечественной юриспруденции модели субъективного права собственности всякий раз ставится под сомнение, как только заходит речь о формах собственности.

¹⁶ Скловский К.И. Указ. соч. С. 11, 12.

¹⁷ Там же. С. 12.

вета на вопрос: может ли вообще существовать единая, цельная, универсальная модель субъективного права собственности в рамках государственно организованного общества, особенно в условиях современного (считающегося развитым) правопорядка? В отечественной науке единодушие в подходах к решению данной проблемы отсутствует: отчасти по причине поляризации теоретических взглядов ученых, одни из которых считают оправданным выделение форм собственности, а другие полагают, что с юридической точки зрения проблема форм собственности является незначимой, так как определенная форма собственности никак не влияет и не может влиять на содержание субъективного права собственности. Дело осложняется еще и тем, что при анализе форм собственности исследователями, признающими оправданным их выделение, нередко допускается смешение экономической и юридической терминологии, а в конечном счете и специальных методов научного познания, принятых, соответственно, в экономической теории и юриспруденции. В этой связи В.Д. Мазаев в своем исследовании совершенно точно заметил, что понятию «форма собственности» в экономической и правовой литературе «повезло» меньше всего, поскольку исследователям приходится сталкиваться с отсутствием единой терминологии, критериев классификации, смешением базовых понятий, таких как «форма», «тип», «вид собственности»²⁰.

Поэтому не вызывает удивления то обстоятельство, что в экономической, а вслед за ней и в юридической, научной литературе в последнее время можно встретить весьма экзотические подходы к классификации форм собственности и не менее одиозные предложения по признанию и нормативно-правовой фиксации «неожиданно» обнаруженных новых форм данного феномена: зачастую предлагаемые классификации не позволяют даже уяснить, в чем заключается избранный исследователем классификационный критерий, не говоря уже о том, каким образом классифицируемые по определенной логике формы собственности могут быть взаимосвязаны между собой в реальных условиях оборота и, соответственно, как могут взаимодействовать. Так, в одной из работ экономического содержания указывается, что формы собственности – это «разновидности способов реализации человеком своего права собственности, отличающиеся друг от друга объемом прав собственности и способом их применения. Существуют всего три формы собственности:

частная индивидуальная, общая долевая, общая совместная»²¹. При этом остается совершенно неясным, как формы собственности, сами выступающие в качестве различных способов реализации права собственности, могут отличаться друг от друга способом применения различных по объему прав собственности (дословно: «разновидности способов, отличающиеся друг от друга... способом их применения»). В другой работе выделяются такие формы, как общественная собственность, государственная, корпоративная, частная, общая и личная²², что также вызывает больше вопросов, нежели предлагает ответов в рамках поставленной проблемы.

Необходимо отметить, что ясности в решение данного вопроса не добавляет и принятый в нашей стране законодательный подход к определению форм собственности, хотя, как свидетельствует Н.Д. Егоров, основаниями для законодательного выделения форм собственности всегда являлись степень обобществления и характер обобществляемого имущества²³. Следуя этой логике, и ныне действующая Конституция РФ (ч. 2 ст. 8), и Гражданский кодекс РФ (п. 1 ст. 212) указывают на частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности; при этом упоминание о возможности существования в России неких «иных форм собственности» нередко приводит к попыткам исследователей, прежде всего ученых-юристов, конкретно обозначить формы собственности, непоименованные в Конституции РФ и других актах законодательства. Например, В.А. Тархов предлагает выделять наряду с поименованными формами собственности собственность коллективную и личную²⁴. При этом к коллективной собственности он относит собственность товариществ (кроме простых) и обществ, общественных и религиозных организаций; к личной собственности – собственность граждан, которые участвуют в общественном производстве личным трудом²⁵.

Несколько иначе к вопросу о выделении коллективной собственности подходит В.И. Иванов: он предлагает признать в качестве возможного

²⁰ Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. М., 2004. С. 28.

²¹ Каменецкий В. А., Патрикеев В. П. Собственность в XXI столетии. М., 2004. С. 19.

²² См.: Собственность в системе социально-экономических отношений: теоретико-методологические и институциональные аспекты / Под ред. В.И. Жукова. М., 2005. С. 9–11.

²³ См.: Егоров Н.Д. Типы, виды и формы собственности и права собственности в СССР // Сов. гос. и право. 1985. № 5. С. 63.

²⁴ См.: Тархов В.А. Гражданские права и их осуществление // Вестник СГАП. 1995. № 3. С. 21, 22.

²⁵ См.: там же.

субъекта права коллективной собственности общину, обладающую отдельными элементами публично-правового характера в своем статусе²⁶. Правда, как при этом будет соотноситься коллективная собственность общины с иными формами собственности, автор до конца не проясняет.

В последнее время в научной юридической литературе высказывается и мысль о том, что проблема форм собственности заключается не в самих отношениях собственности, а в субъектах, в них участвующих. Так, К.И. Скловский считает, что с технической точки зрения формы собственности – это наследие средневекового партикуляризма; именно средневековое право дает массу примеров различия собственности по ее субъектам: городской и феодальной, вотчинной, поместной, церковной и т.д.²⁷ Автор исходит из того, что понятие формы собственности является не юридическим, а социально-экономическим, указывая, что «право собственности непосредственно не отражает экономических отношений собственности, даже если последние и существуют. С этих позиций искать суть формы собственности в глубинах “базиса” – заведомо бесплодное занятие»²⁸. Ученый в своей работе разделяет мнение Е.А. Суханова о том, что указание в Конституции РФ и в ГК РФ на разные формы собственности лежит в плоскости экономических понятий, которое, однако, не меняет содержания права собственности как универсального и единого (цельного) и потому является юридически незначимым²⁹. Признавая существование форм собственности фактом отечественного законодательства, К.И. Скловский говорит о том, что их нужно рассматривать как технический “способ определения принадлежности имущества тому или иному виду субъектов, действительная разница... между которыми никем не оспаривается”³⁰,

и приводит в подтверждение своего тезиса весьма категоричное суждение Л.В. Щенниковой о том, что с “позиций гражданского права нет форм собственности, а есть различные субъекты этого права”³¹. Завершает К.И. Скловский исследование данной проблемы выводом о том, что “намеченный законодателем в названии статьи 212 ГК РФ и практикой путь отождествления формы собственности с принадлежностью имущества одному из видов субъектов, указанных в законе, следовало бы воспринять и в теории гражданского права как единственно допустимый, а любые попытки ревизовать с позиций формы собственности те или иные аспекты единой модели права собственности – лишены оснований”³².

Приняв выше в качестве верной методологической посылки в юридическом исследовании права собственности выдвинутый К.И. Скловским тезис о том, что это право непосредственно не отражает экономических отношений собственности, казалось бы, необходимо согласиться и с его суждениями относительно проблематики форм собственности. Но отнюдь: как представляется, в критическом осмыслении именно данной проблемы и высказанных по ней научных точек зрения как раз и кроется возможность отыскания той базовой, фундаментальной предпосылки возникновения и существования принятой в отечественной юриспруденции модели права собственности, а значит, и нахождения ответов на вопросы о том, на чем именно основывается эта модель (что именно выступает ее первоисточником) и возможно ли существование этой модели как единственно верной, а главное, единой, цельной, универсально подходящей к описанию сути субъективного права собственности вне зависимости от юридических качеств субъектов и объектов данного права.

Для этого, поскольку проблема форм собственности имеет непосредственную связь с видами субъектов права собственности, закрепленными в нормах позитивного права, необходимо обратиться к ключевым положениям учения о правосубъектности. Так, К.И. Скловский в своем исследовании собственности неоднократно высказывает мысль о том, что суть собственности заключается в том, что она представляет собой форму бытия свободы лица, а право вообще и право собственности как основное являются *следствием* таких неотъемлемых качеств лица, как свобода и свободная воля³³.

²⁶ См.: *Иванов В.И.* Община как субъект права // Закон. 1994. № 5. С. 88–93.

²⁷ См.: *Скловский К.И.* Указ. соч. С. 162, 163.

²⁸ Там же. С. 159.

²⁹ См.: Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 1995. С. 273; *Скловский К.И.* Указ. соч. С. 160. Справедливости ради следует заметить, что Е.А. Суханов, утверждая, что в действительности никаких “форм собственности” нет, а имеется лишь одно, единственное право собственности со стандартным, единым набором правомочий (возможностей), у которого могут быть разные субъекты, всё же высказывает при этом паллиативную мысль о том, что “нет и не может быть никаких “иных форм собственности”, кроме частной и публичной” (*Суханов Е.А.* Понятие права собственности в российском законодательстве и модельном Гражданском кодексе для стран СНГ // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2000. № 4; 2001. № 1. С. 85).

³⁰ *Скловский К.И.* Указ. соч. С. 164.

³¹ *Щенникова Л.В.* Вещные права в гражданском праве России. М., 1996. С. 24.

³² *Скловский К.И.* Указ. соч. С. 166.

³³ См.: там же. С. 162.

Совершенно очевидным является то, что право собственности (как и любое другое субъективное право) выступает формой бытия свободы личности, ибо, как известно, любое субъективное право выступает мерой свободы³⁴, мерой дозволенного, мерой возможного поведения. Однако нельзя при этом не признать, что сами по себе свобода и свободная воля лица вопреки утверждению К.И. Скловского и многих других современных исследователей-юристов, стоящих на позиции естественного происхождения права, не являются непосредственным источником появления не только права в целом, но и отдельных субъективных прав. Сама по себе свобода индивида, не будучи ограниченной чем бы то ни было, если бы данный индивид не соприкасался бы с другими подобными себе и окружающей его природой, являлась бы “пустым звуком” ввиду совершенной своей бессмысленности и бесполезности. Именно потому, что с самого момента появления человека на свет и до его ухода в иной мир его личная свобода постоянно в большей или меньшей степени ограничивается такой же свободой других людей, а также действием сил природы, свобода (равно как и свободная воля) лица, а точнее, степень и характер этой свободы, выступает в качестве определенной социальной ценности, в одном ряду с которой без особого труда можно назвать по меньшей мере еще и справедливость, разумность (рациональность), добросовестность, юридическое равенство и некоторые другие. Все они без преувеличения могут считаться нравственными основаниями права, однако при этом сами по себе в отдельности не являются непосредственной причиной возникновения не только права как социального феномена, но и каких бы то ни было субъективных прав (в том числе и права собственности).

Будучи относимой к числу социальных ценностей, нравственных оснований права, свобода (и свободная воля) лица, а точнее, личности в процессе своего развертывания вовне неизбежно получает оценку со стороны общества, других окружающих индивидов, за которыми согласно естественно-правовой логике признается такая же свобода (и свободная воля); оценка эта носит нравственный характер, т.е. осуществляется с позиций прежде всего морали. В этой связи нелишним будет привести мысль Г.Ф. Шершеневича,

³⁴ В этой связи уместно было бы вспомнить и о существующем в науке диспуте о соотношении понятий “право” и “свобода”, которые нередко употребляются в актах законодательства, регулирующего статус личности, в виде неразделимой пары – “права и свободы”.

который писал, что нравственность “представляет не требование человека к самому себе, а требование общества к человеку. Это не человек определяет, как он должен относиться к другим, а общество определяет, как один человек должен относиться к другому человеку. Это не человек оценивает поведение, как хорошее или дурное, а общество. Оно может признать поступок нравственно хорошим, хотя он не хорош для индивида, и оно может считать поступок дурным с нравственной стороны, хотя он хорош с индивидуальной точки зрения”³⁵. Действительно, сложно представить, смог ли бы индивид предъявить к самому себе (в конечном счете) вообще какие-либо поведенческие императивы, если бы с самого своего рождения сознавал свою ни чем не ограниченную свободу. Таким образом, признание свободы индивида в качестве имманентно присущей ему только его личной (абсолютной) ценности в абстрактных условиях, когда отсутствуют соприкосновения этого индивида с внешним миром, являлось бы совершенно бессмысленным, а в условиях социального взаимодействия привело бы к произволу со стороны данного индивида по отношению к другим и ввергло бы общество в состояние “войны всех против всех”.

По этим причинам свобода лица (личности), относимая к числу социальных ценностей в одном ряду со справедливостью, рациональностью, юридическим равенством индивидов и другими категориями, выступающими в качестве нравственных оснований права, сама по себе вопреки приведенному выше суждению К.И. Скловского, никогда не сможет предстать перед исследователем в виде непосредственной причины возникновения права как социального феномена или отдельных видов субъективных прав. Свобода личности, если бы и могла являться вероятным источником возникновения как права в целом, так и отдельных субъективных прав, всегда проявлялась бы лишь опосредованно, с поправкой на такую же свободу других индивидов, из чего вытекают по меньшей мере два следствия.

Во-первых, свобода (так же, как и собственность (на что, кстати, указывает и сам К.И. Скловский)³⁶), будучи идеальной, абстрактной категорией, никогда не может быть явлена человеку непосредственно и опознана им

³⁵ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1910. С. 169, 170.

³⁶ Ранее уже приводилась мысль К.И. Скловского о том, что “никому еще не удавалось указать на какой-либо экономический феномен или их комбинацию и опознать его как явление самой собственности” (Скловский К.И. Указ. соч. С. 12).

именно в таком качестве; соответственно, *в обществе* свобода отдельной личности может предстать лишь опосредованно, через совокупность имеющихся у данной личности возможностей, соотнесенных социально воспринятым образом с коррелирующими возможностями других. Эти возможности отдельной личности в то же время путем механического суммирования никогда не образуют целостную картину свободы, поскольку они являются лишь отдельными индикаторами разных степеней свободы личности в совершенно различных по своим природе и значению социальных отношениях.

Во-вторых, коль скоро *в обществе* проявления свободы личности выступают ее наличные или потенциальные возможности, оценка таких возможностей, а значит, и их последующее признание либо непризнание за личностью осуществляются окружающими с позиций нравственного соответствия указанных возможностей другим социальным ценностям, стоящим в одном ряду со свободой лица. Признание такого соответствия за определенной частью возможностей личности приводит к трансформации этих возможностей в **признаваемый обществом (правовой)³⁷ интерес**, ибо констатируемые обществом и в тождественных ситуациях уравненные для всех возможности самостоятельного (без оглядки на других) выбора варианта собственного поведения, обеспечивающие тем самым развертывание свободы и воли личности вовне, уже сами по себе приобретают характер личностных ценностей, а значит, и свойство стимула, мотивации к определенному поведению (т.е. свойство интереса); далее, по мере укоренения признаваемого обществом (правового) интереса в социальной практике, такой интерес трансформируется в субъективное право, если это необходимо по условиям юридического быта. Признание за дру-

³⁷ Такой признаваемый обществом (правовой) интерес в случае совпадения права и закона можно было бы с полной уверенностью именовать “законным интересом”.

гой частью возможностей личности, вытекающих из состояния естественной свободы лица, несоответствия другим социальным ценностям, являющимся однопорядковыми со свободой личности, влечет ограничение реализации таких возможностей, в том числе путем установления социально воспринятым образом необходимых запретов (табу), санкций, наказаний. Таким способом из социальной практики могут исключаться даже те возможности личности, которые в предшествующее время в силу признания их соответствия социальным ценностям успели трансформироваться в процессе своего исторического развития в признаваемые обществом (правовые) интересы и даже отдельные субъективные права. Типичным примером может являться планомерное искоренение в советской России посредством норм позитивного права тех возможностей индивида-собственника, которые при демократическом строе с рыночной экономикой образуют содержание и смысл права частной собственности.

Таким образом, ближайшей в ряду вероятных фундаментальных предпосылок возникновения субъективного права собственности видится именно признаваемый обществом (правовой) интерес собственника, который, в отличие от идеальной категории свободы лица, только и может *непосредственным образом (т.е. имея конкретное содержание)* трансформироваться в соответствующее этому интересу субъективное право, имеющее при этом не аморфно-казуистичное наполнение, а укладываемое в рамки определенной социальной модели поведения, ожидаемого от носителя этого права либо допускаемого обществом для него. Следовательно, свобода и свободная воля лица могут рассматриваться лишь *в качестве общей посылки возникновения* определенной системы субъективных прав и в целом права как социального феномена, тогда как **действительной первопричиной любого из субъективных прав всегда выступают находящиеся у истоков их генезиса признанные обществом (правовые) интересы личности.**